

УДК 101.1::316

Лиминальность как характеристика жителей в утопических государствах

Фусу Лариса Ивановна

Кандидат медицинских наук,
психоаналитик, ректор,
Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах,
105062, Российская Федерация, Москва, ул. Макаренко, 2/21;
e-mail: floray@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена новой для отечественной философии и психологии теме лиминальности существования. Статья опирается на теорию оператуарного мышления, разрабатываемую Парижской психосоматической школой. Обосновывается долговечность проблемы соотношения страдания и счастья в философской и религиозной мысли. Указывается, что оператуарное мышление и духовные аскетические практики качественно отличаются друг от друга. Далее рассматриваются утопии как сфера воплощения образов лиминальных личностей с оператуарным поведением. На примере романа Евгения Замятина «Мы» показывается, как может выглядеть общество и жизнь каждого живущего в нем человека в условиях, когда все аффективные проявления исключены, а жизнь сводится к механическому существованию, бытию в настоящем без фантазий о желаемом будущем, ностальгии и сожалений о прошлом. Жители утопических государств являют собой наглядную модель лиминальных личностей, в которой ключевое их свойство, оператуарность, доведено до логически возможного предела. Теория оператуарного поведения раскрывает психологический механизм защиты личности от невыносимых страданий и от психоза. Лиминальная личность – это личность, чье бытие в мире ограничено. Важным представляется тот факт, что современный мир информационных технологий, киборгизации и биопротезирования позволяет подойти к проблеме оператуарной жизни еще с одной стороны – технологической: что будет с человеком, когда его тело будет синтезировано с машиной, как изменится сознание, если большую часть времени в будущем мы будем находиться в виртуально смоделированных симуляционных средах. Подобные вопросы делают данную проблематику перспективной темой для дальнейших исследований.

Для цитирования в научных исследованиях

Фусу Л.И. Лиминальность как характеристика жителей в утопических государствах // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 3А. С. 37-43.

Ключевые слова

Утопия, лиминальность, оператуарное поведение, психосоматическое функционирование, страдание и счастье.

Введение

Оперативное мышление – это особенность функционирования личностей с психосоматическим функционированием, а также механизм психической защиты, прежде всего от психоза. Человеку свойственно испытывать различные аффекты, которые можно дифференцировать в системе координат удовольствие – неудовольствие, то есть страдание и отсутствие оно. При этом, каждый из нас стремится к удовольствию, что можно объяснить натуралистически: удовольствие означает отсутствие нужды в чем-либо, насыщение потребности, а это обеспечивает выживание.

Однако здесь возникает два противоречия:

- 1) человек часто не знает меры в своих потребностях и их насыщении;
- 2) нужда в чем-либо, лишения, страдания часто бывают необходимым условием для активности человеческого существа, стремления к деятельности и саморазвитию, и наоборот, постоянное насыщение, удовольствие, отсутствие лишений и страданий могут вести к лени, пассивности, а это путь к деградации.

Так считал Конрад Лоренц и написал об этом в книге «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества», картина подобного развития [Лоренц, 2016]. Эра всеобщего изобилия представлена Гербертом Уэллсом в романе «Машина времени», подобная закономерность характерна и для животных, что было проверено на мышах в ходе эксперимента «Вселенная-25» Джона Кэлхуна [Уэллс, 2018].

Страдание, счастье и оперативное поведение

Вообще тема страданий – одна из центральных в религиозной философии. Верующие христиане интерпретируют страдания как возможность быть ближе к Богу, через страдания в человеке начинает присутствовать Бог. Таким образом, через страдания может быть понят смысл жизни человека. В буддизме страдания считаются неотъемлемой частью жизни человека, а их преодоление – центральной темой этики буддизма. Артур Шопенгауэр, многое в свою философскую концепцию взяв именно из буддизма, пессимистически утверждал, что бытие и страдание это в принципе одно и то же [Шопенгауэр, 2005]. В рамках экзистенциалистской философской традиции страдания рассматривались в качестве пограничной ситуации бытия, в которой человек преображается, открывает новые стороны своей сущности, начинает истинное бытие, вступает в диалог с окружающим его миром, как природным, так и социальным. Данная идея была по сути заимствована западноевропейскими экзистенциалистами у отечественного писателя и философа Ф.М. Достоевского. В романе «Преступление и наказание» главный герой приходит к выводу, что лишь в страданиях может быть понят или даже выражен смысл жизни [Достоевский, 1978].

Страдание диалектически связано со счастьем. Любой человек стремится к счастью. С одной стороны, счастье противоположно страданию, но с другой – счастье может быть достигнуто через страдания. Не поняв страданий, порой трудно понять, что же такое счастье. Буддистская философия, столь популярная сейчас не только на Востоке, но и на Западе, учит, что страдания по сути есть наши неудовлетворенные желания, поэтому единственный путь достижения счастья – усмирение всех наших желаний. Формула буддизма проста: нет желаний – нет и страданий. То есть счастье и страдание, согласно буддизму, чисто субъективные феномены. В христианской философии счастье достижимо также через

страдания, но страдания объективные. Истинное счастье христианина – духовное – быть рядом с Богом, а сделать это можно, как было сказано выше, через страдания, через уподобление Иисусу Христу, который пострадал за людей. Но еще один путь приблизиться к богу – это сострадание, оказываемое ближним.

3. Фрейд писал: «Что сами люди выявляют своим поведением как цель и стремления в жизни? Что они хотят от жизни и стремятся в ней достичь. Они несомненно желают счастья; они хотят стать счастливыми и оставаться такими» [Фрейд, 1990, 123]. Сам Фрейд понимал под счастьем с одной стороны, исключение боли и неудовольствия, а, с другой стороны, достижение сильного чувства удовольствия. Это счастье в широком смысле этого слова, в узком же – это «удовлетворение потребностей, обостренных до крайней степени, природа которых допускает лишь эпизодическое их удовлетворение» [там же, 342]. Счастье в таком узком понимании есть недостижимый идеал, достичь которого человеку мешает культура или Супер-эго, устанавливающее свои нормы поведения, моральные запреты и законы. Человек стремится к этому идеалу, переводя энергию либидо в другие ее виды, сублимируя ее в общественно-политическую деятельность, в художественно-творческую деятельность, в социальную активность и так далее.

Одним из бессознательных импульсов, согласно теории З. Фрейда, является стремление человека к смерти, к возвращению в неорганическое состояние. Согласно взглядам основателя психоаналитической школы, смерть действует на человека через сферу бессознательного, смерть не «открывает глаза на жизнь», как у экзистенциалистов, она опосредованно детерминирует поведение человека через два основных влечения: через «Эрос» (влечение к жизни) и через «Танатос» (влечение к смерти). «Влечение к смерти – наличное в живом организме стремление к восстановлению какого-либо прежнего, неорганического состояния» [Фрейд, 1990, 404].

Продолжая рассуждения Фрейда, Маркузе соглашается с ним, что влечение к смерти «подчинено принципу нирваны», вызвано стремлением снять напряжение и свети его к такому, которое находится в неорганической материи во время зарождения жизни. Из его рассуждений следует, что интенсивность влечения к смерти напрямую зависит от страданий человека, от степени избавления от них. «Если основная цель инстинктов состоит в том, чтобы положить конец страданиям, устранить напряжение, то, как это ни парадоксально, конфликт между жизнью и смертью становится тем слабее, чем реальнее становится для жизни достижение состояния удовлетворения» [Маркузе, 2002, 205].

Таким образом, буддизм, мистическое христианство, иррационализм А. Шопенгауэра сосредотачиваются во многом на аскетизме как пути продления страданий через очищение от всяческих желаний и импульсов. Люди во все времена искали пути преодоления страданий путем избавления от аффектов и желаний.

В описанных выше духовных учениях и практиках, к которым можно также добавить даосизм (и его принцип недеяния), стоицизм с принципом апатии, кинизм с проповедью и практикой аскезы, индуизм, йогу и другие, закрытие себя от аффектов сопровождается тем, что одни земные потребности телесного, материального плана вытесняются другими, духовными и удовольствие, например, от вкусной пищи или сексуального оргазма теряет свою ценность перед удовольствием от трансцендентного опыта, слияния с божественным, достижением нирваны и т.д. Однако все это требует настолько тяжелых усилий от индивида, что немногие в наши дни выбирают подобный путь достижения психического комфорта.

Значительно более распространенная форма – это переход на уровень оператуарного мышления, когда субъект становится лиминальным существом, уже не человеком с глубоким

субъективным миром, называемым квалиа, но еще и не роботом. Его когнитивная деятельность сводится только к сенсорному и поведенческому реагированию на актуальные события, факты, воздействия внешней среды, при этом аффективная, репрезентативная и символическая составляющие стираются практически полностью. Лиминальный человек – это человек без чувств, что с точки зрения психиатрии и психоанализа расценивается как патология душевной жизни. Согласно концепции оператуарной мышления и оператуарного поведения Клода Смаджа, оператуарная жизнь формируется в результате проявления такого рода мышления и поведения, свидетельствующих о глубочайшей дезорганизации психического аппарата, когда стираются все психические способности и его функционирование сводится только к биологическим автоматизмам, направленным на выживание. Оператуарное поведение становится машинальным, человек лишается собственных желаний, стремлений, побуждений, он живет и делает не то, что хочется, а только то, что принято и должно. Таким образом, по мнению Смаджа, происходит капитуляция Я перед Сверх-Я, действие которого ограничивается лишь функцией коллективного Идеала-Я [Смаджа, 2014, 83-84].

Именно такие лиминальные существа населяют художественные миры социальных утопий и антиутопий.

Лиминальность жителей городов-утопий

Утопический проект становится возможной парадигмой будущего социального развития, предлагая модель решения социальных проблем. Однако следует избегать соблазна представлять утопию как разновидность научного подхода к освоению реальности, хотя между утопией и наукой нет непроходимой границы. Пересечение утопии и науки в ряде случаев оказывается возможным, что, тем не менее, не приводит к их совпадению. Как уже было сказано ранее, у утописта и ученого разные цели. Утопист не стремится к объективности и познанию. Наоборот, он тяготеет к тому, чтобы подчинить реальность своей воле, произвольно сконструированному сверхценному для него идеальному проекту.

Утопизм как особый образ мышления тяготеет к догматичности и радикализму, когда «высокая» цель лишает окружающий утописта мир какой-либо ценности. В то же время утопия есть закономерный способ реализации человеком своей творческой, проективной природы. Она позволяет мыслить перспективно, искать оптимальные способы социальной организации, превращать абстрактные теории в конкретные формы общественной жизни. Такая двойственная роль позволяет говорить о двойственности самого явления, т. е. о наличии двух взаимосвязанных сущностных компонентах утопии [Павлова, 2004, 157-161].

Например, в романе Евгения Замятина «Мы» люди лишены чувств, жизнь подчинена математически точному расчету, даже свидания проходят по расписанию и с разрешения официальных властей.

Представим строки из данного произведения, написанного в 1920 году: «В голове – легкий, зыбкий туман. Сквозь туман – длинные, стеклянные столы; медленно, молча, в такт жующие шароголовы. Издалека, сквозь туман постукивает метроном, и под эту привычно-ласкающую музыку я машинально, вместе со всеми, считаю до пятидесяти: пятьдесят узаконенных жевательных движений на каждый кусок. И, машинально отбивая такт, опускаюсь вниз, отмечаю свое имя в книге уходящих – как все» [Замятин, 2006, 54].

Казалось бы, что такая оператуарность, то есть механистичность, роботоподобность в реальной жизни не столь выражена, как в порождении художественной фантазии русского писателя, но клинический опыт позволяет обнаружить еще более схематизированный образ

жизни оператуарных людей. В романе Замятина наглядно демонстрируется попытка бегства от природы человека, которой естественно присущи страдания. Противоречивость подобных условий, искусственность таких существ заставляет героев испытывать внутренний конфликт, идти против системы, против такого положения дел, что показывается и в упомянутом произведении русского писателя, и в имеющем к нему множество отсылок художественном фильме «Эквилибриум».

Подобная оператуарность делает поведение жителей утопий более эффективным, но лишь с гиперрациональной, предельно механистической точки зрения. В этом, на наш взгляд, можно усмотреть одно из проявлений перекоса в развитии западной цивилизации в сторону рационализма, сциентизма, картезианства, позитивизма в ущерб чувственно-аффективной интуитивной стороне жизни. Несомненно, что аффективные проявления могут иметь как знак «плюс», так и знак «минус», причина чего кроется в противоречивости природы человека. Сами по себе чувства амбивалентны. Редуцировать жизнь к механике значит сводить человека до состояния полуробота, идти против предзаданного ему стремления к полноте бытия, включающего взаимодействие с миром на самых разных уровнях и в различных формах: сенситивном, абстрактно-понятийном, наглядно-чувственном, интуитивном, трансцендентном и т.д.

Заключение

Таким образом, жители утопических государств как продуктов художественной фантазии авторов являют собой наглядную модель лиминальных личностей, в которой ключевое их свойство – оператуарность доведено до логически возможного предела. Теория оператуарного поведения раскрывает психологический механизм защиты личности от невыносимых страданий и от психоза. О страдании и счастье, а также достижении гармоничного соотношения между ними философы рассуждали издавна, позднее к ним присоединились и ученые-гуманитарии. Однако вывод здесь можно сделать один: лиминальная личность – это личность, чье бытие в мире ограничено. Важным представляется тот факт, что современный мир информационных технологий, киборгизации и биопротезирования позволяет подойти к проблеме оператуарной жизни еще с одной стороны – технологической: что будет с человеком, когда его тело будет синтезировано с машиной, как изменится сознание в частности и вся душевная жизнь в целом, если большую часть времени в будущем мы будем находиться в виртуально смоделированных симуляционных средах. Подобные и многие другие вопросы делают данную проблематику перспективной темой для дальнейших исследований.

Библиография

1. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Художественная литература, 1978. 462 с.
2. Замятин Е.И. Мы: роман, повести, рассказы. М.: Эксмо, 2006. 604 с.
3. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Nyköping (Sweden): Philosophical arkiv, 2016. С. 17-94.
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. 526 с.
5. Павлова О.А. Метаморфозы литературной утопии. Волгоград, 2004. 320 с.
6. Смаджа К. Оператуарная жизнь: психоаналитические исследования. М.: Когито-Центр, 2014. 255 с.
7. Уэллс Г. Машина времени. М.: Эксмо, 2018. 418 с.
8. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. 448 с.
9. Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. СПб.: Азбука-классика, 2005. 224 с.

Liminality as a residents characteristic in Utopian states

Larisa I. Fusu

PhD in Medicine,
Psychoanalyst,
Rector,

Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy,
105062, 2/21 Makarenko st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: florayy@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the topic of limiting existence, which is new to Russian philosophy and psychology. The article is based on the theory of operant thinking developed by the Paris Psychosomatic School. The longevity of the problem of the relationship between suffering and happiness in philosophical and religious thought is substantiated. It is indicated that operant thinking and spiritual ascetic practices are qualitatively different from each other. Further, utopias are considered as the sphere of the embodiment of the images of liminal personalities with operant behavior. Using the example of Yevgeny Zamyatin's novel "We", the author shows how society and the life of every person living in it can look like when all affective manifestations are excluded, and life is reduced to a mechanical existence, being in the present without fantasies about the desired future, nostalgia and regrets the past. The inhabitants of the Utopian states are a visual model of liminal personalities, in which their key operant behavior is brought to a logically possible limit. The theory of operant behavior reveals the psychological mechanism for protecting an individual from unbearable suffering and from psychosis. Liminal personality is a person whose existence in the world is limited. Important is the fact that the modern world of information technologies, cyborgization and bioprosthesis makes it possible to approach the problem of operant life on the technological way: what will happen to a person when his body is synthesized with a machine, how his mind changes, if most of the time in the future we will be in a virtually simulated environment. Such questions make this issue a promising topic for further research.

For citation

Fusu L.I. (2019) Liminal'nost' kak kharakteristika zhitelei v utopicheskikh gosudarstvakh [Liminality as a residents characteristic in Utopian states]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (3A), pp. 37-43.

Keywords

Utopia, liminality, operative behavior, psychosomatic functioning, suffering and happiness.

References

1. Dostoevsky F.M. (1978) *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
2. Freud S. (1990) *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
3. Lorentz K. (1973) Die acht Todsünden der zivilisierten Menschheit // *Serie Piper, Bd. 50, 1. Auflage*, München 1973 (Russ. ed.: Lorentz K. (2016) Vosem' smertnykh grekhov tsivilizovannogo chelovechestva. In: Lorentz K. *Oborotnaya storona zerkala* [Behind the Mirror]. Nyköping (Sweden): Philosophical arkiv, pp. 17-94).

-
4. Marcuse H. (1955) *Eros and Civilization: A Philosophical Inquiry into Freud*. London: Beacon Press (Russ. ed.: Marcuse H. (2002) *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek*. Moscow: AST Publ.).
 5. Pavlova O.A. (2004) *Metamorfozy literaturnoi utopii* [Metamorphosis of literary utopia]. Volgograd.
 6. Shopengauer A. (2005) *Metafizika polovoi lyubvi* [Metaphysics of sexual love]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika Publ.
 7. Smadja C. (2001) *La Vie Operatoire. Etudes Psychanalytiques*. Presses Universitaires de France (Russ. ed.: Smadja C. (2014) *Operatuarnaya zhizn': psikhoanaliticheskie issledovaniya*. Moscow: Kogito-Tsentr Publ.).
 8. Wells H. (1895) *Time machine*. Heinemann (Russ. ed.: Wells H. (2018) *Mashina vremeni*. Moscow: Eksmo Publ.).
 9. Zamyatin E.I. (2006) *My: roman, povesti, rasskazy* [We: a novel, stories, tales]. Moscow: Eksmo Publ.